

Т.С.Паниотова

Утопический дискурс в латиноамериканской культуре

В статье рассматривается утопический дискурс в культуре стран Латинской Америки конца XX — начала XXI вв. Трактовка утопии как одного из маркеров латиноамериканской идентичности заставляет с особым вниманием отнестись к этому феномену. Анализ латиноамериканской утопической традиции демонстрирует не только интенсивность утопического мышления на континенте, но и продуктивность его осмысления в трудах региональных авторов. Концептуальный рост общей латиноамериканской рефлексии об утопии связан с ее практическим аспектом, что расходится с англосаксонской традицией мысли, увековечивающей утопию в качестве литературного жанра. Используемая в статье методология текстологического и кросс-культурного анализа позволила выявить присущие латиноамериканской традиции исследования утопии главные имена (Альфонсо Рейес, Артуро Андрес Роиг, Орасио Черутти Гулдберг, Фернандо Аинса и др.) и оригинальные образы-концепты («лаборатория европейских утопий», «утопия для других» и «наше право на утопию», «утопическая функция»), а также обозначить исследовательские парадигмы и научные школы.

Ключевые слова: латиноамериканская утопия, Латинская Америка, *Utopian Studies*, «утопиология».

DOI: 10.31857/S0044748X24100068

Статья поступила в редакцию 04.05.2024.

На протяжении многих лет феномен утопии является предметом острой научной полемики. Исследователи разделились на два полярных лагеря: одни провозглашают «конец утопии», иронизируют по поводу «актуальности утопии» и ее востребованности в обществе; другие проводят масштабные исследования утопии, публикуют книги и статьи, проводят научные конгрессы. Сложилось новое научное направление *Utopian Studies*, которое организационно оформилось в два сообщества: Общество утопических

Таисия Сергеевна Паниотова — доктор философских наук, профессор, профессор Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (РФ, 344006 Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, tspaniotova@sfedu.ru, ORCID: 0000-0003-2529-9216).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00743, <https://rscf.ru/project/24-28-00743/>

исследований в Северной Америке (*The Society for Utopian Studies*) и Европейское общество утопических исследований (*Utopian Studies Society Europe*). Однако, как справедливо замечает испанский историк Х.Про, «парадокс заключается в том, что это новое, столь продуктивное академическое поле возникло за спиной Латинской Америки, как нечто исключительное англосаксонское... Пионеры утопических исследований сосредоточились на опыте и авторах из Северной Америки, Великобритании и бывшей [колониальной] империи последней» [1]. В данных странах изучение эрудиции старых литературных утопий явно превалировало, что отодвигало на задний план иные области и иные способы осмысления истории утопий, в частности, рассмотрение утопии как инструмента изменения мира.

Превращение латиноамериканского континента сначала в «лабораторию европейских утопий», а затем и в кузницу собственных оригинальных утопических проектов заставляет с особым вниманием отнестись к ее опыту. На наш взгляд, нельзя сказать, что тема «Утопия и Латинская Америка» сегодня находится на периферии научной мысли [2; 3]. В Мадриде под руководством Х.Про была создана Трансатлантическая группа по изучению утопий (*Red Trasatlántica de Estudio de las Utopías*), в работе которой принимают участие ученые с обоих берегов Атлантики. Исследователи, входившие в эту группу, стали авторами научных статей, посвященных этой теме [4; 5].

В современных условиях Латинская Америка не только демонстрирует постоянную и интенсивную пульсацию утопизма, но и широту и многообразие подходов к его изучению. При этом, подчеркивает Про, «среди латиноамериканских авторов — как тех, кто связан с академической средой утопических исследований, так и тех, кто к ней не принадлежит, — преобладает альтернативный способ восприятия утопии как опыта, преобразующего реальность, а не как музея безобидных вымыслов» [1]. Основы такого понимания были заложены известными авторами, в число которых входят доминиканский филолог и журналист Педро Энрике Уренья (1884—1946 гг.) и кубинский писатель Хосе Лесама Лима (1910—1976 гг.), мексиканские писатель и дипломат Альфонсо Рейес (1889—1959 гг.) и философ Адольфо Санчес Васкес (1915—2011 гг.), аргентинские философы Артуро Андрес Роиг (1922—2012 гг.) и Грасиела Фернандес (1935—2013 гг.), испано-уругвайский писатель и философ Фернандо Аинса (1937—2019 гг.) и др. Среди ученых, специализирующихся сегодня в данной научной области, — мексиканский философ аргентинского происхождения Орасио Черутти Гулдберг, кубинка Иоанка Леон дель Рио, мексиканец Эстебан Кроц, аргентинцы Лукас Миссерри, Хулия Сарачу и др.

Цели данной статьи — в рамках анализа парадигм латиноамериканского утопического дискурса и, основываясь на трудах ведущих латиноамериканских авторов, определить основные направления исследований, их концептуальную структуру и тезаурус. Источниковедческую базу составляют как фундаментальные труды известных ученых, изданные или переизданные в конце XX — начале XXI вв., так и работы менее известных российской аудитории авторов, посвященные различным аспектам рассматриваемой темы. По причине чрезвычайной широты проблематики и популярности темы утопии на латиноамериканском континенте мы постараемся,

с одной стороны, представить научную географию, а с другой — ограничиться рассмотрением трех основных направлений исследования утопии, а именно: сущность утопии и утопического мышления, утопия и Латинская Америка, современные виды утопии.

ПОНЯТИЕ УТОПИИ И УТОПИЧЕСКОГО

Практически каждый автор, пишущий про утопию, начинает с обращения к Томасу Морю и этимологии термина [6; 7; 8]. Латиноамериканские авторы не являются исключением. Исследователи обращают внимание на то, что сам термин «утопия» не имеет общепринятой интерпретации. Что следует понимать под утопией? В каком смысле и в каких контекстах употребляется это слово? Сегодня термин «утопия» имеет множество значений, нередко противоречащих друг другу, либо акцентирующих различные грани этого сложного культурного феномена. Аргентинский исследователь Л.Миссери выделил пять, с его точки зрения, основных [9, pp. 59-60].

Наименее проблематичное значение термина «утопия» относится непосредственно к книге «Утопия» Т.Мора, который не только избрал этот термин, но и в самой структуре книги отразил, по словам О.Черутти Гулдберга, изначально свойственное каждой утопии напряжение между социальной критикой (диагноз) и утопическим предложением (рецепт) [10].

Второе значение термина относится к литературному жанру, который ведет свое начало от произведения Мора. Этот жанр, хотя и имеет некоторые черты мысленного эксперимента, оперирует художественными образами, и с их помощью авторы-утописты показывают преимущества жизни в обществе, которое считают идеальным. Третий смысл термина — скорее разговорный, чем научный: это — либо уничижительное понимание утопии как химеры, несбыточной мечты, неосуществимого проекта, либо ее положительная трактовка как чего-то желаемого, хотя и недостижимого на данном этапе.

Еще одно значение понятия «утопия» связано с именем англо-австрийского ученого Карла Мангейма. В предложенной социологом концептуальной паре идеология — утопия первый концепт характеризуется некритическим сохранением социального статус-кво, а второй — критикой существующего, толкающей к социальной революции. Самое широкое — пятое — понимание утопии как способа критического мышления и мысленного экспериментирования в социальной сфере, основанного на правдоподобном вымысле.

Перечисленные выше пять возможных значений понятия «утопия» умножаются на разнообразие подходов, в рамках которых они рассматриваются, критикуются, дополняются. Так, например, Черутти Гулдберг полагает, что помимо жанровых произведений, описывающих совершенные миры, в утопический тезаурус включаются различные культурные практики и общественные движения, а также «утопический горизонт», представляющий собой «ансамбль артикулируемых ценностей, отсутствие которых в настоящем порождает движение в направлении их достижения» [11, p. 185].

Не менее важен и другой вопрос, на который стремятся найти ответ латиноамериканские авторы: существуют ли объективные критерии утопического, своего рода маркеры утопии? Свой вариант ответа дал мексиканский философ-марксист А.Санчес Васкес в небольшой работе «От утопического

социализма — к социализму научному». А.Санчес Васкес сформулировал ряд тезисов по аналогии с марксовыми «Тезисами о Фейербахе». Утопия для А.Санчеса Васкеса — это «воображаемое представление будущего общества». Но это — не просто будущее общество: оно является желанным, т.е. таким, к которому утопист стремится, которое хотел бы построить, это — лучшее общество, достойное человека. Однако желанный и вполне достижимый, по мнению утописта, идеал объективно не может быть реализован на практике, поскольку для этого не созрели условия. Утопизм — это исторический продукт незрелости как теоретических, так и социально-экономических предпосылок. С другой стороны, утопия, являясь «воображаемой конструкцией будущего общества», не является произвольным вымыслом, напротив, она глубоко укоренена в настоящем и является своеобразной компенсацией его «исторической ограниченности». Утопия находится с реальностью в особых отношениях: не только конструирование образа будущего, но и осмысление неудовлетворяющей человека реальности осуществляется иллюзорным образом, поскольку, когда утопист подвергает критике настоящее и стремится разорвать с ним связь, он руководствуется своим субъективным восприятием реальности, а не объективным состоянием общества, из которого хочет уйти. С другой стороны, являясь предвосхищением иллюзорного мира, утопия способна обрести реальную жизнь и стать так называемой топией, реализоваться на практике в разных коммунах, экспериментах, общественных движениях. В отношении к науке утопия заполняет определенный «гносеологический пробел»: наука в предвидении будущего общества не может опереться на точное знание и факты, а утопия, прибегая к воображению, может предвосхищать будущее. Наконец, в последнем тезисе А.Санчес Васкес констатирует: утописты прошлого ограничивались созданием образов идеального общества, а речь должна идти о его построении [12, pp. 16-23].

Другого мнения на этот счет придерживался Франц Хинкеламмерт (1931—1923 гг.), коста-риканский философ немецкого происхождения. В книге «Критика утопического разума» он подчеркивал, что «политический реализм, в отличие от *Realpolitik*, никогда не может претендовать на то, чтобы реализовать саму утопию»; утопия является источником идей о хорошей жизни, выражением смысла, но она «никогда не должна становиться целью, которая должна быть реализована асимптотическим и, следовательно, исчисляемым образом». «Для политического реализма утопия остается «регулятивной идеей», как часто говорят сегодня, используя кантовский термин. Только в этом случае утопия способна стать не тюрьмой, а источником жизни и надежды» [13, pp. 27-28].

Если обратиться непосредственно к утопическому жанру, то здесь необходимо выделить работы Ф.Аинсы [14; 15; 7], в которых систематизированы типичные характеристики идеальных обществ классических утопий. К ним ученый относит: изоляционизм, гарантирующий чистоту общественных устоев и нравов и препятствующий проникновению внешних сил, способных нарушить общественную гармонию; автаркию и самодостаточность, базирующиеся на богатстве ресурсов описываемых государств и скромных потребностях их граждан; урбанизм, т.е. доминирование архетипа города со строгой геометрией архитектуры, предопределяю-

щей общественный порядок и образ жизни над всеми иными возможными формами государственного устройства; антиисторизм, статичность, отсутствие динамики; жесткую регламентацию производства и потребления, социальное равенство, граничащее с уравнительностью, и др.

Ф.Аинса проводит разграничение между литературными утопиями и утопиями-проектами, которые имеют выход на человеческую практику. Поэтому утопию можно считать синонимом бунтарского сознания, оппозиции или сопротивления существующему порядку [7, р. 18]. По этой причине, считает Ф.Аинса, писатель или общественный деятель может быть утопистом, не написав ни одной утопии в духе Мора.

Важную роль в развитии утопического дискурса в Латинской Америке сыграли труды А.А.Роига, его учеников и последователей. Философ из Мендосы в своей книге «Утопия в Эквадоре» [16] разграничил утопическую функцию и утопический жанр. В данном случае он развивал идеи немецкого философа Эрнста Блоха, который и ввел в научный оборот понятие «утопическая функция». Под утопической функцией Э.Блох понимал связанное с будущим стремление к совершенству, к идеалу, которое не ограничивается жанровыми произведениями, а пронизывает всю культуру: архитектуру, искусство, религию, различные практики и движения [17, р. 156].

Идеи немецкого «философа утопии» были с энтузиазмом восприняты многими латиноамериканскими мыслителями, поскольку помогали обосновать идею об Америке как о «земле утопий», несмотря на то что классических утопических текстов европейского образца здесь было написано крайне мало. А.А.Роиг полагал, что утопический жанр уже исчерпал свои возможности, а «проблема утопии есть проблема регулирующей силы идеи»; идеи, которая связана с освободительным дискурсом, где утопическое измерение является константой.

Основываясь на идее дискурсивной вселенной, определяемой конкретным временем и конкретной субъектностью, А.А.Роиг проводит мысль, что утопический жанр — это то, что сказано, а утопическая функция — способ высказывания. В первом случае утопия — определенная повествовательная конструкция, характерная для художественной литературы, а именно: рассказ о путешествии из реального существующего несправедливого общества (топия), в несуществующее, но желанное общество, представляемого в модусе возможного (утопия). Во втором — совокупность дискурсов и способов артикуляции идеалов в разных областях (от проектов государственного устройства до гипотез в научном познании).

Утопическая функция реализуется в ряде подфункций: критически-регулятивной, функции освобождения от правового детерминизма и функции предвосхищения будущего. Первая связана с тем, что всякая критика имеет корни в реальной жизни, и мыслящий субъект подвергает сомнению историческую рациональность ради утверждения нового проекта рациональности [16, р. 38].

Освобождение от правового детерминизма — это не только критика господствующих норм права, морали и т.п. и отказ им следовать; это — также нежелание соглашаться с жесткой исторической необходимостью, признание роли случайности. Утопический дискурс, который предполагает вариативность исто-

рии, противопоставляется безальтернативности марксистского перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» (коммунизм).

Предвосхищение будущего основано на признании открытой темпоральности; последняя мыслится как новое, как возможное иное по отношению к текущему дискурсивному универсуму. В этом контексте получают оригинальную трактовку утопии порядка и утопии свободы. Первые основываются на циклическом понимании темпоральности и отрицают развитие, порождая эффект социальной неподвижности. Вторые, напротив, понимают историю как открытое пространство, в котором возможны разные траектории движения.

Последователи и ученики А.А.Роига — О.Черутти Гулдберг и Э.Фернандес Надаля — развивают его концепцию. Вслед за Роигом [16, р. 21] О.Черутти Гулдберг выделяет подфункцию «разрыва мифической темпоральности», возражая тем авторам, которые обвиняют утопию в статичности и аисторизме. Он доказывает, что утопическое мышление, в отличие от мифологического, не возвращает нас к идиллическому прошлому, а обращено в будущее, нацелено на изменения, на поиск альтернативных путей развития. В свою очередь Э.Фернандес Надаля акцентировала внимание на субъектной модальности утопического дискурса [18]. Утопическая функция движима конкретными субъектами, погруженными в конкретно-исторические противоречия. В символической ткани дискурса конструируется пространство самопознания, в котором артикулируется конфигурация собственной идентичности. Утопия — один из способов высказывания субъекта о своей идентичности. О том, что утопию следует рассматривать не только как дискурсивный жанр, но и как гораздо более сложное явление, которое через собственную риторику конструирует образ национальной идентичности, пишут и другие латиноамериканские авторы [19].

Таким образом, проделанный обзор показывает многообразие подходов к изучению утопии в различных странах Латинской Америки и различия в понимании сущности этого феномена у разных авторов.

АМЕРИКА — «ЗЕМЛЯ УТОПИЙ»

Как мы видели, в вопросе о сущности утопии у латиноамериканских мыслителей был теоретико-методологический ориентир в виде концепции Э.Блоха, рассматривавшего утопию как жанр и как утопическую функцию (универсальную интенцию). Что же касается того, какую роль сыграла Латинская Америка в появлении утопического жанра, почему она стала восприниматься европейским сознанием как контробраз Европы, когда превратилась в «лабораторию европейских утопий», а затем провозгласила свое «право на утопию», — ответы на эти вопросы латиноамериканские мыслители должны были искать самостоятельно [20; 21].

Согласно периодизации, разработанной Ф.Аинсой, латиноамериканская утопическая мысль в ходе своего развития прошла пять этапов [7, pp. 110-111]. К первому этапу, который условно может быть назван «предутопическим», относятся «предчувствия», мифы, легенды, предвосхищавшие открытие Америки как места, где сбываются мечты. Второй этап (XV—XVII вв.) связан с начальным периодом колонизации и христианизации коренного

населения Америки, появлением «практической» утопии в ходе миссионерской деятельности (Васко де Кирогас, Бартоломе де Лас Касас, отцы-иезуиты в Парагвае). На третьем этапе (XVIII в.) появляются сформировавшиеся под влиянием английского и французского Просвещения утопические проекты завоевания независимости и создания республики «для блага всех»; после завоевания независимости утопическая составляющая стала неотъемлемой составной частью политических проектов переустройства общества во вновь возникших молодых латиноамериканских государствах (XIX в.). Наконец, в XX—XXI вв. в Латинской Америке появляется необычайно много утопий, как практических, так и художественных, не говоря уже об изобилии исследований, написанных на эту тему.

Следует сказать, что все этапы истории латиноамериканской утопической мысли довольно полно представлены в научной литературе. Как известно, открытие Нового Света вызвало в Европе настоящий переполох — и потому, что Америка не вписывалась в библейский образ мира, поделенного между Симом, Хамом и Иафетом, и потому, что это открытие как бы мысленно возвращало Европу в ее историческое прошлое, когда не было частной собственности, неравенства, а все люди были добры и простодушны. Как заметил Л.Миссери, сегодня уже никто не может отрицать, что «открытие Америки пробудило утопическое воображение европейцев, подарив им идеальное пространство... для заполнения его своими давними желаниями» [22, р. 131]. Но не только Европа в утопиях «заново изобретает себя»: Америка, поменяв значение утопии с воображаемого идеального на практическое реальное, превратила литературный жанр лишь в «мизансцену утопического мышления».

Мексиканец Альфонсо Рейес в книге «Последняя Туле», венесуэлец Хесус Пардо в книге «Огни под водой», а вслед за ними и целый ряд других авторов развивают идею «предзнаменования», или «предчувствия», Америки европейской мыслью. Рассказы о Туле, крайнем острове к западу от Европы, Атлантиде, описанной Платоном, средневековые фантастические легенды об источнике вечной молодости, о царстве Хауха, Земле Офирской и др. рассматривались Рейесом как мифические предзнаменования открытия Америки — земли, где самые давние и несбыточные мечты о счастье, изобилии, равенстве могли оказаться реальностью. Но с другой стороны, имела место и обратная зависимость, когда вслед за открытием Америки значительно возросло количество новых утопических нарративов. Происходило обновление европейского менталитета, когда через старые образы гуманисты подтверждали и развивали идеальный образ Америки как царства счастья и богатства.

В основе концепции «предчувствия Америки» А.Рейеса лежит довольно спорная идея: он сводит к минимуму «материалистический» аспект конкиссты в пользу духовной мотивации. Деятельность европейцев представляет для него, прежде всего, духовное предприятие, результат мистического импульса, поисков несуществующих мифов, и только во вторую очередь преследование экономических или геополитических интересов. Акцент на духовности, на доминировании интереса к лучшему миру позволил А.Рейесу сконструировать идентичность Америки как проект будущего, как утопию. «Либо таков смысл истории, либо смысла нет вовсе... Все

Фреска мексиканского художника Хуана О'Гормана в Паццуаро с изображением Васко де Кироги

начиналось как идеал и до сих пор остается идеалом. Америка — это утопия» [23, р. 60].

Как идеальное пространство для воплощения в жизнь идей европейских утопистов воспринимали Америку францисканцы Бартоломе де лас Касас и Васко де Кирога в Мексике, отцы-иезуиты в Парагвае, создавшие государство, просуществовавшее около 200 лет. Если Кирога вдохновлялся идеями книги Мора, то в «республике иезуитов» заметны влияния идей Платона и Томмазо Кампанеллы. В работах современных латиноамериканских авторов дан глубокий анализ этих практических утопий [24; 25; 15].

На следующих двух этапах развития утопической мысли совершается судьбоносный перелом: из «утопии для других» Латинская Америка превращается в «утопию для себя». В утопической перспективе начинает конструироваться образ свободной, независимой Америки, национальной идентичности образовавшихся молодых государств. В политических программах, памфлетах, речах лидеров Войны за независимость Симона Боливара, Хосе Марти и др., в произведениях руководителей первых независимых государств Доминго Фаустино Сармьенто и др. отчетливо прослеживается утопическая траектория. Деятельность и идеи выдающихся национальных исторических личностей изучались многими учеными [26; 27; 28].

Симон Боливар (1783—1830 гг.)

Доминго Фаустино Сармьенто (1811—1888 гг.)

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УТОПИИ

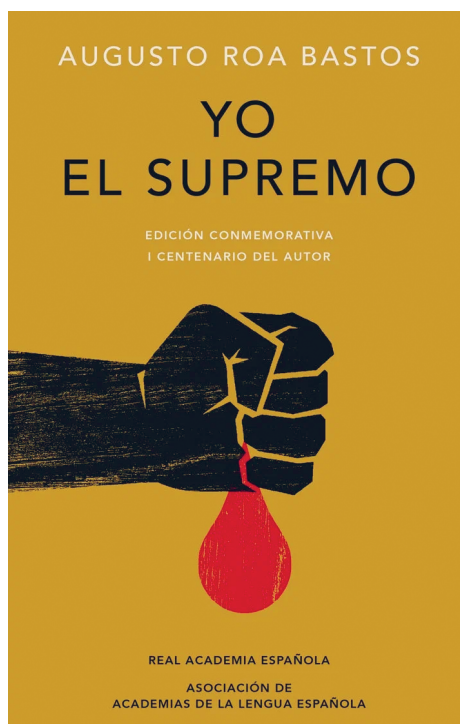
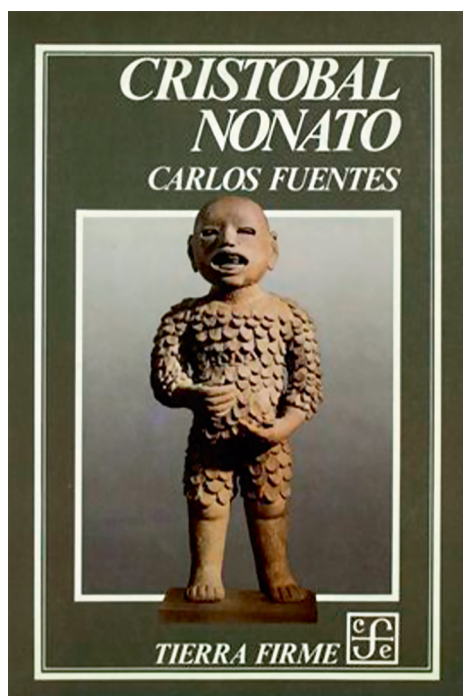
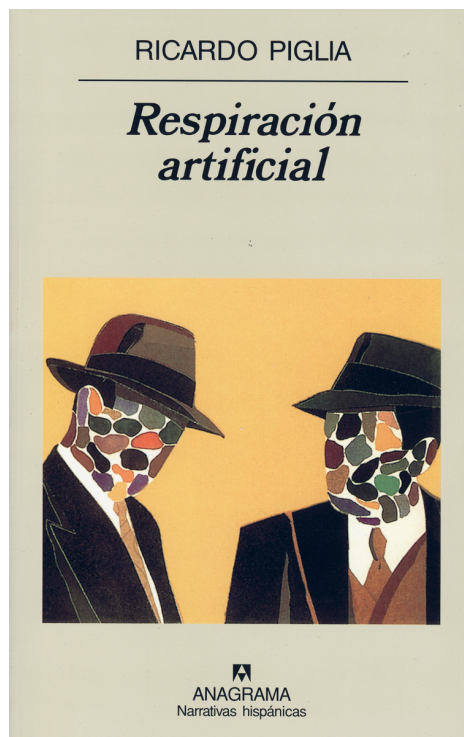
Особый интерес представляют для нас завершающий — пятый — этап в развитии латиноамериканской утопической мысли и посвященные ему исследования. Хотя после провозглашенного Гербертом Маркузе конца утопии, падения Берлинской стены, распада Советского Союза в мире все чаще стали раздаваться голоса о смерти утопии, в Латинской Америке утопические исследования не только не прекратились, но и обрели новое дыхание. Если исходить из предложенного Л. Миссери разделения всех исследований в данной области на утопиографические (творчество отдельных персоналий, анализ утопических текстов и т.п.) и утопиологические (теоретические проблемы сущности утопии, специфика латиноамериканской

утопии и т.п.), можно констатировать, что известные достижения имелись внутри каждого направления.

В рамках утопиографического направления больше всего работ было посвящено Т.Мору и его «Утопии» [29; 30]. Это не только объяснимо, но и закономерно, если принять во внимание подготовку и масштабное празднование во всем мире 500-летия (2016 г.) выхода в свет книги «Утопия». К утопиографии можно отнести и работы, связанные с анализом текстов «классиков утопизма», т.е. исследователей, создавших оригинальные теории, которые оказали наибольшее влияние на современных латиноамериканских авторов [31; 32].

В рамках так называемой утопиологии прослеживается несколько направлений. Одно из них связано с выявлением утопического измерения в художественных произведениях латиноамериканской и мировой литературы. Как справедливо заметил Л.Миссери, «в Америке еще живет дух утопии, а литература — одна из лучших форм его распространения по всему земному шару» [22, р. 143]. Судьба утопии, ее неизбежность, склонность к катастрофическим реализациям постоянно и напряженно осмысляются Хулио Кортасаром, Марио Варгаса Льосой, Габриэлем Гарсиа Маркесом, Рикардо Пиглиа, Карлосом Фуэнтесом [33; 34; 35; 36] и др. Они глубоко осознали притягательную силу утопизма, отрицающего несовершенную реальность. Литература из средства, при помощи которого писатель сообщает утопические идеи читателю, превращается в собственное место утопии или в рассказ о том, что такое утопия. В романе «Искусственное дыхание» Р.Пиглиа один из персонажей пишет в своем дневнике: «Утопия современного мечтателя должна отличаться от классических правил этого жанра в одном существенном пункте: отказаться от реконструкции несуществующего пространства. Тогда ключевое отличие будет заключаться в следующем: не надо помещать утопию в воображаемое, никому не известное место (наиболее типичный случай — остров). Нужно, напротив, назначить ей свидание с собственной страной, в один из дней... который фантастически отдален от настоящего. Нет такого места: в это время. Еще нет такого места. Вот, что означает для меня утопическая точка зрения» [35, р.97].

Другое направление «утопиологии» представлено авторами, анализирующими место утопии в глобализирующемся мире [37; 38]. Э.Кроц и Л.Д.Фернандес исследуют тему соотношения утопии и дистопии, причины широкого распространения последней в массовой культуре [39; 40]. Л.Миссери анализирует две тесно связанные между собой «наиболее примечательные формы современных утопий — цифровую и трансгуманистическую» [41]. Первая из них возникла вследствие революции информационно-коммуникационных технологий, вторая связана с новыми биотехнологиями и отвечает самому заветному желанию человека — обрести бессмертие или, по крайней мере, максимально увеличить продолжительность жизни. В то время как авторы цифровых утопий апеллируют к будущему с прямой демократией, образованным и умным населением, трансгуманисты стремятся к долгой и лучшей личной жизни. Иногда их объединяет идея цифрового сознания, прикрепленного к небиологическому телу. Л.Миссери отмечает, что, хотя сегодня в литературе еще можно встретить редкие примеры евтопий, евхроний или евпсихий, главной тенденцией в утопическом мышлении является

Обложки книг Р.Пиглиа, К.Фуэнтеса, М.Варгаса Льосы, А.Рoa Бастоса

переход к евантропии (*eu-anthropos* — совершенный человек). Новая тенденция удовлетворяет трем условиям. Во-первых, отвечает актуальным стремлениям к увеличению продолжительности жизни, профилактике болезней и т.п. Во-вторых, формирует нормативный социальный образец, получающий широкое распространение в современных западных и либеральных обществах. В-третьих, претендует на то, чтобы стать новым шагом в утопическом процессе секуляризации религиозной идеи сотворения человека [41, p. 38].

Таким образом, в начале XXI в. утопические исследования в Латинской Америке, как и прежде, находятся «на марше», соответствуют мировому уровню и органично вписываются в мировой научный контент.

Обзор утопических исследований в латиноамериканской культуре за последние десятилетия позволяет сделать ряд выводов, не претендующих, однако, на исчерпывающую полноту.

В Латинской Америке сложилась солидная традиция изучения утопии, истоки которой связаны с именами А.А.Роига, И.Пардо, А.Рейеса, Ф.Аинсы и др. В наши дни интересные и заслуживающие внимания исследования проводятся учеными многих стран континента, однако наиболее представительными являются научные школы Аргентины и Мексики.

В латиноамериканском утопическом дискурсе выделяются два основных направления — утопиографическое (описательное) и утопиологическое (теоретическое). Каждое из них представлено известными именами и серьезными научными достижениями. Важно подчеркнуть, что латиноамериканские авторы не ограничиваются «местной» тематикой, хотя она имеет крайне важное значение для конструирования национальной культурной идентичности. Труды таких мыслителей, как Ф.Аинса, А.А.Роиг и др., в которых разработаны важные теоретические проблемы, внесли весомый вклад в мировую «утопиологию», а получившие всеобщее признание романы Х.Кортасара, К.Фуэнтеса, Р.Пиглиа и др. продолжают транслировать миру утопические идеи на языке художественных образов.

Что касается тезиса, сформулированного испанским ученым Х.Про, о своего рода недооценке или недостаточном внимании европейцев к латиноамериканскому утопическому дискурсу, то с ним можно согласиться только отчасти. Разумеется, у европейцев имеются определенные трудности в освоении богатого латиноамериканского материала, так же как существуют проблемы в развитии диалога культур. Однако, на наш взгляд, они успешно решаются благодаря участию ученых с разных берегов Атлантики в научных форумах и сообществах, совместному изданию книг и журналов и развитию многосторонних научных контактов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Pro J. América Latina, la utopía y los utopian studies. *Nueva Sociedad*, № 309 (Enero - Febrero 2024). Available at: <https://nuso.org/articulo/309-america-latina-la-utopia-y-los-utopian-studies/> (accessed 26.07.2024).
2. América, tierra de utopías. Eds.: Balázs-Piri P.; Santosné Blastik M. Budapest, 2017, 356 p.
3. Utopía en marcha. Eds.: Pakkasvirta J.; Cerutti Goldberg H. Quito, Editorial Abya-Yala, 2008, 449 p.
4. Pro J. et al. Utopías hispanas: Historia y antología. Granada, Comares, 2022, 486 p.
5. Nuevos mundos, América y la utopía entre espacio y tiempo. Eds.: Pro J. et al. Madrid; Frankfurt am Main, Iberoamericana and Vervuert, 2021, 367 p.

6. León del Río Y. Historia y lógica del concepto de utopía. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Maracaibo, 2006, 11(34), pp. 55-78.
7. Ainsa F. La Reconstrucción de la utopía. México, Correo de la UNESCO, 1999, 238 p.
8. Villota M., Bámaca E., Villota D. La utopía en América Latina, un acercamiento al legado histórico y las políticas actuales. *Revista Saber, Ciencia y Libertad*. 2020, 15(2), pp. 181–194. DOI: 10.18041/2382-3240/saber.2020v15n2.6728
9. Misseri L.E. Vigencia de la utopía en el siglo XXI: Análisis del proyecto de barrio intercultural en San Martín de los Andes. *Estudios de Filosofía Práctica e Historia de las Ideas*. Mariana, 2016, 17(2), pp. 57-68.
10. Cerutti Guldberg H. ¿Teoría de la utopía? *Utopía y nuestra América*. Eds.: Cerutti H.; Agüero O. Quito, Ediciones Abya-Ayala, 1996, pp. 94-103.
11. Cerutti Guldberg H. De varia utopica (Ensayos de utopía III). Bogotá, Universidad Central, 1989, 239 p.
12. Sánchez Vázquez A. Del socialismo científico al socialismo utópico. Mexico, Ediciones Era, 1981, 80 p.
13. Hinkelammert F. Crítica a la razón utópica. San José, Costa Rica, Editorial DEI, 1984, 327 p.
14. Ainsa F. Necesidad de la Utopía. Montevideo, NORDAN-Comunidad, 1990, 171 p.
15. Ainsa F. De la edad de oro a El Dorado : génesis del discurso utópico americano. Mexico, Fondo de la cultura economica, 1998, 212 p.
16. Roig A.A. La utopía en el Ecuador. Quito, Corporación Editora Nacional, 1987, 468 p.
17. Bloch E. The Principle of Hope, trans. by N. Plaice, St. Plaice and P. Knight. Cambridge, MIT Press, 1996, 528 p.
18. Fernández Nadal E. La problemática de la utopía desde una perspectiva latinoamericana. *Proceso civilizatorio y ejercicio utópico en nuestra América*. San Juan, Fundación Universidad Nacional de San Juan, 1995, pp. 27-47.
19. Ainsa F. Identidad cultural de Iberoamerica en su narrativa. Madrid, Editorial Gredos, 1986, 590 p.
20. Montiel E. Presencia de America en las utopías de Modernidad. *Utopía en marcha*. Eds.: Pakkasvirta J.; Cerutti Goldberg H. Quito, Editorial Abya-Yala, 2008, pp. 229-245.
21. Martínez C. Los no-lugares en la construcción de la modernidad. Utopía, lo verosímil y lo posible. *Nueva Sociedad*, 2024, N309. Available at: <https://nuso.org/articulo/309-los-no-lugares-en-la-construccion-de-la-modernidad/> (accessed 26.07.2024).
22. Misseri L.E. Identidad y alteridad en el imaginario utópico americano. *Agora Philosophica*. Mar del Plata, 2009, N10, pp. 130-143.
23. Reyes A. El presagio de America. *Reyes A. Obras completas, XI: Última Tule, Tentativas y orientaciones, No hay tal lugar*. México, FCE, 1960, pp. 11-62.
24. Morán Álvarez J. C. De utopía a topía: la obra de don Vasco de Quiroga en la Nueva España. *Diario De Campo*. México, 2011, 3, pp. 59–64.
25. Gabriele C. El comunismo de Platón y de los Guaraníes: Observaciones sobre el De Administratione guaranica comparanda ad Rempublicam Platonis commentarius de José Manuel Peramás. *Avatares filosóficos*. Buenos Aires, 2017, N4, pp. 81-91.
26. Morales M. E. El latinoamericanismo de Simón Bolívar: unidad, inclusión y exclusión social en la “Carta de Jamaica”. *Revista Chilena De Literatura*. Santiago, 2021, N103, pp. 603–623.
27. Moreno Gimeranez E., Henríquez Arocha L. M. El pensamiento de Simón Bolívar en defensa de la independencia e integración latinoamericanas y caribeñas. *ISLAS*. Santa Clara, 2019, 61(193), pp. 160–177.
28. Martínez Hoyos F. Londres, capital de América: Francisco de Miranda y sus proyectos emancipatorios. *Diálogos: Revista electrónica de historia*. San José, 2013, vol. 14, N2, pp. 125-144.
29. Krotz E. La protoantropología de Tomás Moro: Un redescubrimiento a 500 años de la primera publicación de Utopía. *Revista de El Colegio de San Luis*. San Luis Potosí, 2019, N9(20), pp. 51–76. DOI: 10.21696/rcsl9202019964.
30. Mondragón González A. De insulas, fábulas, parísos y páramos. Crítica utópica y cambio social a 500 años de la Utopía de Tomás Moro. *Librosdelacorte.es*. Madrid, 2018, N16, pp. 267–278. DOI: 10.15366/lde2018.10.16.013.
31. Krotz E. Introducción a Ernst Bloch (a 125 años de su Nacimiento). *En-claves del Pensamiento*. México, 2011, V (10), pp. 55-73.
32. Esperanza y Utopía: Ernst Bloch desde América Latina. Comp. J. Manuel Meneses y L. Martínez Andrade. Puebla, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, 2009, 107 p.

33. Fuentes C. Terra Nostra. México, 1975, 786 p.
34. Vargas Llosa M. Contra viento y marea (1962-1972). Barcelona, Seix Barral, 1983, 462 p.
35. Piglia R. Respiración artificial. Buenos Aires, Sudamérica, 1980, 276 p.
36. Saer J. J. Glosa. Rayo Verde, 2015, 240 p.
37. Utopías y globalización. Eds.: Clausen H. B. et al. Obregon, El Colegio de México, 2009, 215 p.
38. Misseri L.E. La física de la utopía. El aporte de H.G. Wells al utopismo. *Imaginario utópico en la cultura: de las utopías renacentistas a las posindustriales*. L.E. Misseri; R.Conti. Mar del Plata. Kazak Ediciones, 2011, pp. 108-117.
39. Krotz E. América Latina a principios del siglo XXI: entre distopías y utopías. *En-claves del pensamiento*. México, 2020, XIV (28), pp. 86-109.
40. Fernandez L. D. Utopías (y distopías) libertarias. Más Nozick, menos Rothbard. *Nueva Sociedad*, 2024, N309. Available at: <https://nuso.org/articulo/309-utopias-y-distopias-libertarias/> (accessed 26.07.2024).
41. Misseri L. Evantropia and Dysantropia: A Possible New Stage in the History of Utopias. *More after More : essays commemorating the five-hundredth anniversary of Thomas More's Utopia*. Eds.: Olkusz K. et al. Kraków, Facta Ficta Research Centre, 2016, pp. 26-42.

Taisiya S.Paniotova (tspaniotova@sfedu.ru)

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor at the Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University

Bolshaya Sadovaya Str., 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation

Utopian discourse in Latin American culture

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 24-28-00743, <https://rscf.ru/project/24-28-00743/>

Abstract. The paper considers the utopian discourse in Latin American culture late XX — early XXI centuries. The interpretation of utopia as one of the markers of Latin American identity forces us to pay special attention to this phenomenon. The analysis of the Latin American utopian tradition demonstrates the intensity of utopian thinking on the continent, as well as the productivity of its comprehension in the works of Latin American authors. The conceptual growth of the general Latin American reflection on utopia is associated with its practical aspect, which is at odds with the Anglo-Saxon tradition of thought perpetuating utopia as a literary genre. The methodology of textual and cross-cultural analysis used in the article made it possible to identify the main names (A.Reyes, A. A. Roig, G. Cerutti Guldberg, F. Ainsa and others) and original images and concepts that are inherent in the Latin American tradition (“laboratory of European utopias”, “utopia for others” and “our right to utopia”, “utopian function”). As well as it is possible to reveal research paradigms and scientific schools.

Key words: Latin American utopia, Latin America, utopian studies, utopiology.

DOI: 10.31857/S0044748X24100068

Received 04.05.2024.